

Давно это было, полвека назад. Увидел в магазине книгу «Образы России», заинтересовался. Выпущена она была издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» во второй половине 1967 года и, как явствовало из сообщения на первой странице, выход её приурочили к 50-летию Советской власти.

Автор книги — Роберт Александрович Штильмарк. Фамилия мне показалась знакомой. Но в книге никаких сведений об авторе не нашёл. Очень захотелось узнать что-либо о писателе, потому что содержание завлекло. Это были живые талантливые зарисовки о памятниках архитектуры многих мест нашей Родины, о людях, посвятивших жизнь сбережению истории, в том числе и каменной летописи страны. Рассказы дополняли чёрно-белые фотоснимки, выполненные автором.

И вспомнилось. Срочную службу в армии я проходил на Южном Урале, в Челябинске. Окончил сержантскую школу. Многие выпускников оставили в качестве командиров отделений на учебном пункте, где мы приступили к обучению только что прибывших призывников. Большинство из них были жителями Средней Азии и Казахстана.

Меня избрали секретарём комсомольской организации учебного пункта, а вернее сказать, назначили по рекомендации политотдела. Пришлось

создавать временные комсомольские организации, знакомиться с молодыми солдатами. Как-то увидел в руках у одного из новобранцев книгу.

— Что читаешь? — спросил парня.

— Авантюрно-приключенческий роман «Наследник из Калькутты». Друзья подарили перед армией. Интересная книга. Только что вышла в нашем издательстве в Алма-Ате.

Солдат был русским по национальности. Среди прибывших из Казахстана русских было немало.

— А кто автор? — поинтересовался я.

— Роберт Штильмарк.

— Прочитаешь, дай, пожалуйста, и мне.

— Хорошо.

Однако напряжённые дни обучения молодого пополнения не дали возможности прочитать роман. Солдаты приняли присягу и разъехались по подразделениям.

Прошли годы, и я неожиданно встретился с Робертом Александровичем Штильмарком в... Коломне.

В первые дни лета 1983 года в редакцию газеты «Коломенская правда», где я работал ответственным секретарём, зашёл известный коломенский поэт Александр Фёдорович Кирсанов и вручил приглашение на творческий вечер.

— Анатолий Иванович, 15 июня мне исполняется 70 лет. Во Дворце культуры тепловозостроительного завода состоится творческий вечер. Жду. Думаю, будет интересно.

Кирсанов протянул отпечатанное типографским способом приглашение. Быстро пробежал глазами программу вечера: выступят поэты А. Гольберт, Л. Терёхин, писатель Р. Штильмарк, композиторы В. Литвинов, В. Шляпин.

— Спасибо, Александр Фёдорович, обязательно приду.

К 18 часам концертный зал дворца заполнили гости юбиляра. Да и не должно было быть иначе. Александр Фёдорович Кирсанов — известный поэт. В то время он был единственным членом Союза писателей СССР в Коломне. Автором четырёх поэтических книг. Его стихи печатались в заводской многотиражке «Куйбышевец», городской газете «Коломенская правда», других газетах и журналах, альманахах, сборниках. В созданном и руководимом А. Ф. Кирсановым литературном объединении «Зарница» занимались многие талантливые поэты, ставшие со временем хорошо известными не только в Коломне.

Вечер вела искусствовед Галина Михайловна Кузнецова.

Один за другим выходили на сцену представители городских организаций, говорили добрые слова. И вот ведущая предоставляет микрофон автору знаменитого романа «Наследник из Калькутты» Роберту Александровичу Штильмарку.

На сцену поднимается высокий седовласый мужчина. Негромко, но внятно, чётко звучат слова:

— Дорогие коломенцы и дорогой Александр Фёдорович! Позвольте от души поздравить и самого юбиляра, и вас с этим юбилеем от Московской писательской организации Союза писателей СССР. Время-то — беспо-

щадное. Много нами пережито. Мы прошли по тяжелейшим фронтовым дорогам Великой Отечественной войны. Александр Фёдорович, насколько знаю, был артиллеристом. А я — начальником штаба стрелкового полка. Но война победоносно закончилась. В мирные дни Александр Фёдорович стал поэтом, я — прозаиком. У нас в руках перо и пишущая машинка — это оружие ограничений не имеет.

Р. А. Штильмарк сообщил, что в свет вышла его книга «За Москвой-рекой» об известном русском драматурге Александре Николаевиче Островском. И преподнёс томик юбиляру с дарственной надписью: «Русскому поэту Александру Фёдоровичу Кирсанову весьма скромное подношение к его 70-летию. 1983 год».

Закончил писатель своё выступление словами: «Я на четыре года старше. Дай бог, 75-летие справить так, как справляют юбилей тебе в этом дворце».

Как-то Александр Фёдорович поинтересовался:

— Анатолий Иванович, ты опубликовал много материалов о земляках с интересной судьбой. А вот о людях, которые бывали в Коломне, заезжали к кому-то в гости, не хотел бы написать?

— Александр Фёдорович, куда клоните? У вас бывал кто-то из знаменитостей?

— Да многие бывали.

Он стал перечислять известных поэтов, прозаиков.

— А ты знаешь, что повесть об Островском Штильмарк написал в Хорошове? Больше года там жил.

— А где жил? На какой улице?

— Название не помню, но мы с тобой съездим как-нибудь.

Но... то Александру Фёдоровичу некогда было, то мне, то он приболеет, то ещё что-нибудь. Побывал я в хорошовском доме уже после смерти А. Ф. Кирсанова. А перед поездкой постарался отыскать в библиотеках печатные материалы, из которых узнал о нелёгкой судьбе Роберта Александровича.

Р. А. Штильмарк сумел внести свою лепту в русскую литературу и в первую очередь в её приключенческий жанр. Но в словарях и справочниках в 1990-е годы его биографии не оказалось. Хотя книга «Наследник из Калькутты», по признанию и специалистов, и миллионов читателей, стала одним из самых популярных авантурных романов. Написал он его, находясь в заключении, за колючей проволокой, в сибирской тайге.

Это лишь один из фактов биографии Р. А. Штильмарка. А вообще вся его жизнь была такой, что хватило бы для сюжетов не одной книги. Кстати, в конце жизни Роберт Александрович с увлечением работал над автобиографическим романом, который так и не успел закончить. В 1993 году в шести номерах ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала «Согласие» были напечатаны главы из этого произведения, жанр которого автор определил как роман-хронику, а название ему дал «Горсть света».

Первая книжка Р. А. Штильмарка вышла ещё в 1920-х годах. Это был сборник стихотворений под заголовком «Кинжал». Спустя годы Роберт

Семейная фотография 1935 года. Роберт Штильмарк (слева) с отцом и сыном Феликсом

Александрович отзывался о тех своих поэтических строках довольно критически, называл их «незрелыми и подражательскими».

В 1931 году вышел сборник очерков «Осушение моря». Темы были навеяны поездкой в Голландию, где он, работник Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, являлся одним из организаторов выставки детской художественной литературы. А незадолго до этого Р. А. Штильмарк окончил Высшие литературные курсы. Однако сразу реализовать свои писательские возможности ему не удалось. Умерла жена. На руках осталось двое детей — сын Феликс и приёмный сын Олег.

В самом начале Великой Отечественной войны Роберт Александрович ушёл на фронт. Служил в разведке. Несколько раз был ранен, отмечен боевыми орденами. В 1944 году прямо из госпиталя попал в... Генштаб. Его, хорошо знавшего несколько европейских языков: французский, немецкий, датский, голландский, шведский, норвежский и польский, — назначили заместителем начальника редакционно-издательского отдела. Однако долго работать не пришлось. В ночь с 3 на 4 апреля 1945 года, когда ему исполнилось 36 лет, его арестовали. Обвинение «пришили» по статье 58–10. Определили десять лет исправительно-трудовых лагерей. Следователям, ведущим дело, казалось, что и доказывать-то нечего: по их мнению, человек, носивший немецкую фамилию, не мог не заниматься антисоветской деятельностью...

По настоянию одного заключённого — крупного вора, не раз сидевшего, бывшего в этом лагере нарядчиком, Василевского, от которого во многом зависела жизнь находившихся в зоне, — Р. А. Штильмарк

принялся писать приключенческий роман. По условиям «договорённости», автором романа должен был быть указан Василевский. Взамен Штильмарку был обеспечен относительный покой и привилегированная работа — «вошебоем», то есть дезинфектором при бане.

Василевский захотел узнать, хорошо ли получается, и приказал Штильмарку раз в неделю у костра читать главы отличившимся на работе арестантам. Слушатели были в восторге.

В начале 1958 года в «Детгизе» вышел роман «Наследник из Калькутты», где на обложке значились две фамилии: Василевский и Штильмарк. К этому времени Роберт Александрович был уже на свободе. По совету друзей подал заявление в Куйбышевский районный суд города Москвы. Суд принял решение установить единое авторство Штильмарка и передать копию решения в Книжную палату. И всё же ещё раз в 1959 году роман вышел под двумя фамилиями — в иркутском издательстве. Третий раз книгу напечатали в издательстве Алма-Аты, и на титульном листе стояла лишь одна фамилия — Штильмарк.

Потом «Наследника из Калькутты» не переиздавали на русском языке целых тридцать лет. Хотя переводы вышли в Болгарии, Китае, Польше, Чехословакии и в республиках Советского Союза: Армении и Эстонии. И вот в 1989 году, уже после смерти Р. А. Штильмарка (он умер 30 сентября 1985 года), Лениздат выпустил роман 200-тысячным тиражом. Его признали одним из самых читаемых приключенческих произведений. Встретить книгу в открытой продаже было практически невозможно. Её приобретали по талонам за сданную макулатуру, а чаще — возле крупных книжных магазинов с рук, из-под полы, за немалую сумму.

Выйдя из заключения, Роберт Александрович всецело отдался творчеству. В различных крупных издательствах выходили его книги: «Образы России» (автор считал её своим лучшим произведением), «Повесть о страннике российском» (об удивительных приключениях новгородского купца Василия Баранщикова), «Пассажир последнего рейса» (об эсеровском восстании в Ярославле в 1918 году), «Звонкий колокол России» (об А. И. Герцене). Незадолго до смерти, в 1983 году, в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга «За Москвой-рекой».

Летом 1995 года в своём довольно обширном архиве случайно обнаружил листок с записью разговора с А. Ф. Кирсановым о Штильмарке. Приближалась памятная дата — десятилетие со дня кончины Александра Фёдоровича. Душу терзали угрызения совести: нужно побывать в Хорошове.

Как узнать, где жил Штильмарк?

Вспомнил о своём давнем друге Саше Сироткине, с которым в детстве занимались в изокружке коломенского Дома пионеров. Член Союза художников СССР/России Александр Сергеевич Сироткин жил в Москве, работал главным художником Таганского района столицы. Но корни у него — хорошовские.

Позвонил Саше, поинтересовался здоровьем, делами. Тот рассказал, что собирается приехать в родовой дом, поработать над картинами в своей небольшой мастерской.

Спросил, слышал ли Александр о писателе Штильмарке?

Честно сказать, не надеялся что-то узнать. Но Саша, не задумываясь, ответил:

— Мне рассказывали, что с год или более он жил на Луговой улице в доме № 13, снимал угол у хозяев по фамилии Чапала.

В сельсовете мне дали номер телефона владелицы дома Дины Петровны Романовой. Позвонил. Договорились о встрече.

Солнечный тихий сентябрьский день. Вместе с товарищем, фотокорреспондентом «Коломенской правды» Львом Борисовичем Авдеевым, приехали в село Нижнее Хорошово. Предлагаю:

— Лёва, давай заглянем сначала к Саше Сироткину. Вот его усадьба.

Подшли с тыла. Прошли по стёжке к небольшому дощатому домику-мастерской художника. Я громко позвал: «Саша!» В окне появилось удивлённое лицо Сироткина: мол, кто это там его зовёт. И тут же расплылся в улыбке: «Толь, проходи!»

Мы рассказали, зачем приехали. Саша объяснил, куда идти.

Возле тринадцатого дома Лёва достаёт фотоаппарат, нацеливается на объект. Освещение боковое. Дом голубой, смотрится красиво, рельефно на фоне зелени, подёрнутой осенней охристой краской.

Дина Петровна и её муж Владимир Николаевич пригласили в дом, три комнаты которого в 1978 году снимала семья Штильмарк: Роберт Александрович, его молодая жена Саша и двухлетняя дочурка Манюся. Из большой комнаты — два её окна смотрели на улицу — мы шагнули в маленькую, с одним окошком. Слышу пояснение Дины Петровны:

— Здесь Роберт Александрович работал. Вот тут стояли небольшой столик с пишущей машинкой, стул. И больше ничего не было.

Владимир Николаевич добавил:

— Роберт Александрович ручкой или карандашом пользовался редко, сразу печатал на машинке.

За этой комнаткой оказалась ещё одна — тёмная и маленькая — это была спальня.

Мы узнали, что дом в 1947 году построил Пётр Афанасьевич Чапала с женой Анной Семёновной. Здесь выросли их дети — два сына и дочь. Пётр Афанасьевич умер в 1978 году, и Анна Семёновна сдала часть площади Р. А. Штильмарку, о котором многое знала от его сестры Веры Александровны (та, начиная с Великой Отечественной войны, снимала комнату на лето в доме по соседству, вместе с её детьми отдыхал здесь и сын репрессированного брата — Феликс).

До того как сесть за рукопись, писатель основательно потрудился в архивах и библиотеках, выискивая документы и факты о жизни Островского. А муки творчества начались в Хорошово.

Работал с утра до обеда. С половины второго ложился на часок отдохнуть. И тогда хозяйка дома семидесятирёхлетняя Анна Семёновна Чапала выходила на улицу, садилась на скамеечку и строго следила, чтобы деревенские ребята не шумели и не галдели под окнами. Предупреждала подростков, гонявших по деревне на мотоцикле, что писателю для

Село Нижнее Хорошово. Дом № 13 по улице Луговой. Фото Л. Авдеева

творчества нужны тишина и покой, и ребята с пониманием относились к просьбе бабушки Ани. Метров за пятьдесят до дома выключали мотор и тихо катили мотоцикл по дороге.

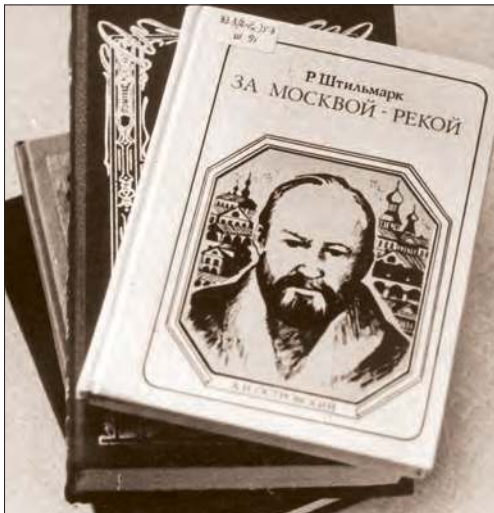
Отдохнув, Роберт Александрович вновь усаживался за машинку.

Иногда под вечер отправлялся в поле, в задумчивости шагал вдоль речушки с любопытным названием Хмелянка, которая отделяет село от леса, в сторону Москвы-реки. Спускаясь с крыльца, мог бросить фразу «Я повёл своего героя», или «Я прогуляюсь с героем», или что-то ещё в этом роде. Домочадцы знали: Роберту Александровичу требовалось что-то обдумать, побыть совершенно одному. Он уходил даже в непогоду, попросив у Владимира Николаевича резиновые сапоги.

Часто Р. А. Штильмарк навещался в Коломну. Предпочитал ходить пешком через Бобренов монастырь.

Осмотрел в городе все монастыри и полуразрушенные храмы, облазил башни кремля, любовался крепкими старыми купеческими особняками, не раз посещал краеведческий музей. Заходил в действующую Богоявленскую церковь, что стоит недалеко от железнодорожной платформы Коломна. Человеком он был верующим, носил крест, хотя дома никто не видел, чтобы молился (иконы у Анны Семёновны в святом углу висели).

Возвращался с особым настроением удовлетворённости, когда удавалось встретить на старых улочках разговорчивых старожил, порасспросить о прошлом, разузнать что-нибудь интересное о купцах, мещанах, их жизненном укладе. Всё это ему нужно было, чтобы правдивее нарисовать образ Александра Николаевича Островского — бытописателя купечества и мещанства. И, по всей вероятности, Роберт Александрович надеялся, что вдруг удастся ему найти дом, в котором родилась мещанка Ага-

фья Ивановна — первая жена А. Н. Островского, которая переехала из Коломны в Москву для заработка шитьём и поселилась неподалёку от драматурга в Николоворобинском переулке, где они и познакомились. Брак по церковным канонам не оформили, не венчались, да так и прожили почти пятнадцать лет, детей не имели.

6 марта 1867 года Агафья Ивановна умерла. Спустя некоторое время Александр Нико-

лаевич отправил своего 19-летнего сына Алексея с вдовой сестрой жены Натальей в Коломну, где приобрёл для них небольшой дом и определил сына в почтовые чиновники.

Р. А. Штильмарк лелеял надежду, что удастся найти какие-нибудь сведения об этом доме, где, по всей вероятности, бывал Александр Николаевич. Но, увы, прояснить что-либо на этот счёт не удалось...

И всё же хождения в Коломну не были безрезультатными — полученный эмоциональный заряд способствовал работе над повестью...

Анна Семёновна Чапала, малограмотная, но умная от природы женщина, нашла общий язык с писателем, подружилась с ним, и он часто читал ей вслух только что написанные страницы повести.

Время, проведённое в Хорошове, Роберт Александрович до последнего дня своего вспоминал с благодарностью как подарок судьбы. Вот что он писал по этому поводу.

«13 мая 1980 г.

Дорогие наши хорошовцы, Анна Семёновна, Дина и Володя!

Рухнули у нас с Сашей (женой — А. К.) все наши летние планы из-за моей неожиданной болезни (инфаркт — А. К.). Подрезала она меня под самый корень, притом в самое горячее время. Провожал я с Северного вокзала Сашу с Манюсей к бабушке в Архангельск, 19 марта, ехали они недельки на две, менять паспорт и кое-что поделать по дому. И как только поезд в 12.10 отошёл, после бурной посадки, как только я повернулся, чтобы поехать в гости, тут стало темно в глазах, упал я, и будто острое кинжальное в сердце повернулось. Спасибо носильщикам, отнесли в медпункт! Оттуда на “Скорой” — в б-цу № 6. Там лежал до 23 апреля в отделении реанимации, потом до 4 мая — в кардиологическом корпусе, а затем на “Скорой” привезли в особый (3-й) корпус санатория “Подлипки”, на долечивание. Лечат лекарствами, процедурами, физкультурой по новой моде, свежим воздухом и хорошей диетой. От этого санатория 15–20 минут ходьбы лесом до нашего жилья. Пришлось на лето перебраться в маленький, тесный домик в саду у наших зимних хозяев, вместо

того, чтобы ехать в Хорошово, к милым нашему сердцу местам и людям. Но иначе нельзя — у хозяев есть телефон московский, и от Феликса мы в ½ часа езды на машине или в 45 минутах на электричке и автобусе. Чувствую я себя уже полегче, но доктора запретили всё. Никаких, говорят, больше лекций, выступлений, физических нагрузок... Это — третий инфаркт, а четвёртого, мол, вам уже не выдержать: будьте рады, что можете книжки писать и на свет божий глядеть. Привет вам всем от нас всех! Ваш Р. Ш.»

Хозяева хорошовского дома познакомили нас с ещё одним письмом Роберта Александровича.

«20 января 82.

Друзья милые, жуковско-хорошовские! (Романовы жили в г. Жуковском — А. К.). Дина, Володя, Эля, Серёжа, а главное — наша уважаемая и любимая Анна Семёновна!

Спасибо за ваши новогодне-рождественские пожелания! У нас — относительное благополучие, все ходим, работаем, от дома, однако, мало отлучаемся — это ещё сложно. Поэтому всё никак не могли выбраться в Хорошово, да и, похоже, там не застали бы нашу бабулю, пока она тяжело хворала, у вас лёжа! А теперь где она? Неужели опять там, в большом и добром доме, одна... до воскресного дня?

Очень и мы соскучились, так и тянет повидать всё снова, где начинала притираться и склеиваться наша жизнь... новая! Не просто это всё было, и мы благодарны вам всем за ласку, понимание, молчание и тепло! Да и Саша с её северной натурой, где ничего не выставляется напоказ, любит вас всех за поддержку и доброту, тоже не показную... Но хватит этих излишеств — они и не очень нужны, ибо всё это в словах как-то снижается, неделикатным образом... “Молчи, скрывайся и таи все мысли и мечты твои... Мысль изречённая — есть ложь”, — говорит мудрец Тютчев. Я этого не очень придерживаюсь, натура другая! Кроме золотого молчания очень люблю и... серебро слов! Им и живу!

Книгу, которую писал в Хорошове об Островском (и кот. давно поставили в план 83 года), теперь снова сдаю, после рецензий и проверок. Потому и не писал, что очень ею был занят. Кроме того, пишу много рецензий на чужие произведения. Попадают очень интересные... Но больше серятины, для какой... служу плотиной!

У нас теперь бывает мой младший сын Димка, он тоже отошёл от той семьи и стремится ко мне, но Саша пока относится к этому настороженно. Это нетрудно понять, но хотелось бы преодолеть со временем...

Побывал с лекциями в Киеве и Сумах. Очень от этой поездки устал, а согласился на неё, чтобы воочию взглянуть на Сумское артучилище, кот. кончил мой самый старший — Олег, Ёжичка, старший брат Феликса, убитый под Берлином 19–20 февраля 1945-го... Это — одна из тяжчайших моих потерь! Он был мне — не кровный, достался от жены первой, но любил его как кровного, да ведь и воспитывал с 6 лет.

Пока сижу теперь дома, что-то простыл и стал кашлять и температура, побоялся, не воспаление ли опять... Но Саша поставила на ноги домашними средствами. Целуем вас всех, ждём добрых вестей и встречи!

Ваши Р. А., Саша и Манюся.

Ей 11 апреля — 5 лет.

Хорошово она помнит».

Анна Семёновна Чапала умерла 1 марта 1983 года. Узнав об этом, в Хорошово приехали сын Р. А. Штильмарка Феликс, другие родные. Роберт Александрович плохо себя чувствовал, не мог одолеть неблизкий путь. Он написал письмо «Памяти Анны Семёновны». Когда его читали на похоронах, собравшиеся не могли сдержать слёз.

«Дорогие наши старые друзья! Все, собравшиеся на сегодняшние поминки, особенно же осиротевшие сегодня Дина, Анатолий и Николай (братья Дины — А. К.) со всеми чадами и супругами! Чувствую себя сегодня и я среди вас, будто сижу рядом с Володей или Анатолием с единым в сердце чувством большого горя. Ведь Анна Семёновна была как бы осью большого семейного колеса. И это семейное колесо включало в свою орбиту не только кровных родных, но и близких друзей, добрых соседей, старых знакомых.

Для всех Анна Семёновна находила доброе слово, мудрый совет, а то и впрямую оказывала помощь людям. Осиротел без неё этот дом, в который она вместе с покойным супругом вложила столько сил, не только физических, но и душевных. Этот дом мы с Александрой Дмитриевной (женой Р. А. Штильмарка — А. К.) тоже не можем считать чужим. Это родной для нас дом, где окрепла Манюся, наша дочка, которую Анна Семёновна баловала своим знаменитым кисельком и блинчиками. Тяжело думать, что наша встреча на дне рождения Анны Семёновны оказалась последней, и больше не ждёт нас радость услышать её рассказы, её голос, увидеть её неутомимые руки в движении, в домашнем труде. Теперь эти руки успокоились навсегда, на вечный отдых.

Горе наше велико, ведь с уходом из нашей повседневной жизни такого мудрого, бывалого и доброго человека мы теряем душевную опору, теряем добрую мать, теряем живую связь с прошлым, с детством, юностью, радостным голосом прошедших лет. Только одно остаётся в утешение живущим: люди, подобные Анне Семёновне, надолго переживают свою физическую жизнь, потому что люди эти продолжают жить в нашей памяти до тех пор, пока сами мы пишем и движемся, они живут в нас в своих детях, внуках, своих близких, своих друзьях. И наше дело — беречь эту память, хранить её, чтобы та любовь, что сегодня заставляет нас плакать и горевать, завтра превратилась в добрые дела друг для друга, чтобы мы смогли смягчить боль друг для друга и всегда помнили, что мать более всего хотела нашей взаимной дружбы, нашей взаимной поддержки. Мне хочется верить, что колесо судьбы этой большой дружной семьи, этого большого и умного дома с уходом Анны Семёновны, рачительной хозяйки, не может с потерей оси свернуть со своей колеи, намеченной и отцом, и матерью, что воля для детей и близких священна. Надо, чтобы дом остался как бы центром семьи, её средоточием.

Сколько раз мы с Александрой Дмитриевной проезжали мимо Хорошова, отправляясь в дальний путь, и в вагонном окне ждали, когда мелькнёт нам сквозь сумерки, а то и туман, этот милый дом, и от одного вида его из окна вагона на душе становилось у нас тепло. Надо, чтобы эту теплоту дом сохранил на долгие, долгие годы. И чтобы семья Чапала и друзья этой семьи навсегда сохранили светлую память о той, кого сегодня проводили в последний путь, и дружно, сплочённо шли своими жизненными дорогами, сознавая, что душа матери радуется, когда в детях царит мир и благоволение взаимное.

Да будет нашей дорогой матери Анне Семёновне пухом здешняя добрая хорошовская земля, которой и она, и покойный отец отдали столько прекрасного, самоотверженного, воистину святого труда.

Роберт Штильмарк.

В печальный день 3 марта 1983 года».

С разрешения супругов Романовых я снял копии с писем Р. А. Штильмарка и получил согласие использовать их в публикациях о писателе.

В тот приезд в Хорошово мы немало любопытного узнали о писателе и его семье. Лёва Авдеев поинтересовался, нет ли у Романовых фотографий Штильмарка. На что Дина Петровна ответила:

— Знаете, он увлекался фотографией. Нас фотографировал. И чёрно-белые снимки есть, и цветные. А вот фотографий самого Роберта Александровича у нас, к сожалению, нет.

Владимир Николаевич подошёл к стене с двумя окнами, указал на розетку:

— Здесь стоял небольшой столик, и на нём постоянно лежал кипятильник. Роберт Александрович заваривал чай. И вот однажды он подходит ко мне чем-то встревоженный:

«Владимир, если Анна Семёновна узнает, что я сделал (а я чуть дом не сжёг), то сразу нас выгонит». — «Как? Что случилось?» — «Пойдём, покажу».

Приводит меня вот в эту комнату и поясняет:

«Кипятильник лежал на подоконнике. Я включил его и отвлёкся. Через некоторое время возвращаюсь и вижу под кипятильником чёрное пятно. Прогорела доска. Вот видишь, беда-то какая».

Я успокоил Роберта Александровича:

«Не волнуйтесь. Дело поправимое».

«Пожалуйста, я тебя очень прошу, сделай что-нибудь. Но чтобы никто ничего не узнал».

Я взял стамеску, быстро выбрал прожжённую часть, выстругал палочку, вставил в ложбинку, принёс белую краску и закрасил.

«Вот молодец. Спасибо. Слава богу, никто знать не будет о моём проступке».

И ещё один момент вспомнил Владимир Николаевич:

— Как-то Роберт Александрович спросил, мог бы я подобрать дощечку, чтобы резать мясо. Труда это никакого не составляло. Нашёл нужную заготовку, взял рубанок, ножовку и быстро сделал. Приношу.

«Вот, Роберт Александрович, вам доска для разделки мяса. Берёзовая, а не сосновая смоляная. Самая подходящая».

Уж он благодарил, благодарил...

Интересуюсь у хозяйина дома:

— Штильмаркам ваша мама готовила?

— Не-ет, они сами. Девочка слабенькая была. Мы все за нею ухаживали, и она прямо на глазах оживала. Первая малинка пошла — нарвём ей. Молочка — ей.

— А Роберт Александрович что ел?

— Да обыкновенную русскую пищу. Любил картошечку.

Мы поняли, что в этом хорошевом доме свято берегут память о родителях и о добром, замечательном человеке, писателе Роберте Александровиче Штильмарке. Как и Роберт Александрович бережно хранил в своей памяти всё, что связано с древней Коломной и её окрестностями. Об этом он поведал в автобиографическом романе-хронике «Горсть света».

Уже после его смерти частично произведение печаталось в журналах «Согласие», «Вокруг света». Полностью роман-хроника в двух частях был опубликован в 2001 году в московском издательстве «Терра». Во второй части есть глава «Солнечное затмение». Роберт Александрович рассказывает, как главный герой повествования Рональд Вальдек, корреспондент правительственного агентства информационной службы, ездил на границу Оренбургской области с Казахстаном, где Академия наук СССР устроила центр наблюдений за полным солнечным затмением, которое приходилось на 19 июня 1936 года. И оставил яркую зарисовку, как поезд переезжает через Коломну:

«Перед сном приятно постоять в коридоре у окна, слегка приоткрытого. Вагон уже спит. Проводник, седоусый, медлительный, похожий на ливрейного швейцара в “Гранд-отеле”, проходит мимо Рональда к тамбуру. Ритмы колёс меняются, перестук — медленнее, толчки резче, сильнее...»

Против Рониного окна — светлые окошки небольшого вокзала и чёрные буквы: “Голутвин”. Это — город Коломна! Невдалеке кончается Москва-река, покрикивают на зевак пристанские грузчики, уже ощутима близость Оки. Если погасить в вагоне свет, можно увидеть остроконечные шпили Старо-Голутвинского монастыря, напоминающие минареты. Зодчий Казаков придал им это своеобразие, некую изысканность, что-то “не наше”, мусульманское. Ибо поистине широкому русскому сердцу внятно всё: “лимонных роц далёкий аромат и Кёльна дымные громады...”

Тронулись...»

Не все произведения Роберта Александровича Штильмарка опубликованы. Хочется верить, что и лежащие в столе увидят свет и найдут своего признательного читателя. Кто знает, может, там будут новые страницы, навеянные Коломной и жившими в ней людьми. И в мозаике древнего города, о котором мы знаем по книгам и рукописям, появятся новые самоцветные камешки.